

НИКОЛАЙ КАВЕШНИКОВ

«МАЛЫЕ И ВРЕДНЫЕ»?

Внимание международников традиционно сосредоточено на крупных, системообразующих странах. Между тем малых стран в мире – большинство. Половина государств имеют население менее 5 млн. человек, а свыше 50 стран – менее 1,5 млн. человек. Каким образом карлики выживают в окружении гигантов? Настоящая статья – попытка предложить вариант аналитического подхода к ним.

1

Вплоть до 1960-х годов экономисты полагали, что основные проблемы экономического развития малых стран вытекают из узости их внутреннего рынка. Поэтому они не могут воспользоваться эффектом экономии на масштабе производства, что делает национальную промышленность менее конкурентоспособной. Некоторые отрасли, как правило высокотехнологичные, в малых странах не могут сформироваться в принципе. Дополнительные ограничения связаны с недостатком ресурсов – человеческих, природных, капитальных, а также с удаленностью многих малых стран от основных экономических центров, приводящей к увеличению издержек на транспорт и связь.

В конце XX века негативное влияние данных факторов уменьшилось. Процессы глобализации снизили транспортные и прочие коммуникационные расходы. Либерализация торговли облегчила доступ на глобальный рынок, а движения капиталов – позволила получить доступ к финансовым потокам и отчасти (не новейшим) технологиям.

Малые страны получили выгодную возможность специализации и в основном удачно ею воспользовались, развив высококонкурентные и высокотехнологичные отрасли экономики, как это сделала Фин-

ляндия, превратившаяся в одного из мировых лидеров в сфере телекоммуникаций. Другой успешной стратегией стало привлечение на свою территорию глобальных ТНК и включение в мировую экономику путем интеграции в производственные цепочки внутри и между ТНК, что сопровождалось налаживанием связей между «приглашенными» филиалами ТНК и местными предприятиями там, где уровень трудовых ресурсов и иные факторы позволяли местным предприятиям производить товары и услуги необходимого качества.

Еще большие возможности для экономического развития малых стран представляет участие в процессах региональной интеграции. Участие в крупных по объему внутреннего рынка зонах свободной торговли и таможенных союзах дает малым странам неограниченный доступ на эти рынки. Такая стратегия эффективна лишь для относительно развитых малых стран, поскольку наибольшие выгоды от экономической интеграции получают производители технологически сложной продукции.

Важную роль в экономическом успехе отдельных малых стран сыграли и некоторые специфические факторы: удачное географическое положение (Сингапур), политика нейтралитета (Швейцария).

Значительная часть развивающихся малых стран эффективно проводит политику социального и налогового демпинга. Низкая стоимость рабочей силы, относительно небольшие расходы на социальное обеспечение, невысокое налогообложение – таковы факторы, определяющие отток промышленного производства из крупных развитых экономик в пользу малых государств. Причем в качестве принимающих стран выступают и такие отно-

сительно развитые государства, как страны Центрально-Восточной Европы. В данной ситуации малый размер страны создает естественное конкурентное преимущество. Небольшая численность населения означает небольшие социальные обязательства, которые можно обеспечить и при низком уровне налогообложения, чего не может себе позволить страна крупная. Крайним проявлением этой тенденции являются офшоры. Большинство офшоров — это микрогосударства с числом жителей менее 100 тысяч человек. Но среди них есть и типичные малые страны — Кипр, Мальта, Люксембург и Швейцария. С некоторой натяжкой офшором можно назвать Бельгию. Не случайно Бельгия и Люксембург больше десяти лет блокировали усилия ЕС по борьбе с офшорами.

Наконец, глобализация дала возможность ряду малых стран третьего мира построить свою экономику на использовании имеющихся природных (туризм) или виртуальных (хостинг интернет-казино или порносайтов) ресурсов. К примеру, 40% ВВП Гайаны приходится на такую сомнительную с точки зрения закона и морали отрасль услуг, как «секс по телефону».

В то же время малые страны по-прежнему несут дополнительные «издержки размера». Согласно исследованию Л.А. Винтерса и П. Мартинса¹, издержки промышленного производства в таких странах, как Сингапур (4 млн. человек) на 3–6% выше по сравнению с группой стран с населением 5 млн. человек, а в таких странах как Вануату (200 тыс. человек) — на 14% выше. Помимо этого, в малых странах выше доля расходов, идущих на содержание государственного аппарата. Наконец, малые страны с редкими языками вынуждены тратить значительные средства на образование, книгоиздательство и в целом на поддержание национальной культуры. Исландский издатель Бенедикт Йоханнссон оценивает эти расходы в 3% ВВП Исландии².

Важнее, что глобализирующийся мир, предоставив малым странам возможность развиваться за счет специализации, сделал

их чрезвычайно зависимыми от глобальных процессов, повлиять на которые малые страны не в состоянии. Такая зависимость может принимать разнообразные формы.

Это зависимость от *спроса* и *цен* на небольшой набор экспортируемых товаров (высокотехнологичных — для некоторых малых стран, сырья и продовольствия — для большинства).

Это зависимость от *импорта* абсолютного большинства промышленных товаров и продовольствия, производство которых в малых странах неконкурентоспособно: в 22 малых странах Содружества (с населением менее 1 млн. человек) импорт в среднем составляет около 60% ВВП, что в три раза больше обычного показателя для развивающихся стран.

Это зависимость от *внешнего финансирования* как в форме частных иностранных инвестиций, необходимых для включения в международное разделение труда, так и в форме растущего государственного долга. Для того чтобы воспользоваться преимуществами либерализации мировой торговли, страна сама должна проводить либеральную внешнеторговую политику. С точки зрения малых стран снижение импортных пошлин означает выпадение значительной части бюджетных доходов, которые можно компенсировать только наращиванием долговых обязательств³.

Это зависимость от *денежно-кредитной политики крупных развитых стран* с основными резервными валютами, прежде всего долларом и евро. Не имея возможности использовать национальную валюту в международных расчетах, малые страны вынуждены формировать валютные резервы (если имеют такую возможность), а многие из них практикуют те или иные формы «привязки» национальной валюты, отказываясь от проведения самостоятельной денежно-кредитной политики. Тем самым они «импортируют» издержки денежно-кредитной политики США или ЕС. Еще в конце 1990-х годов Дж. Сорос сравнил эту ситуацию с проблемой, приведшей в войну за независимость США: «налогообложение без представительства».

Наконец, это зависимость от «правил игры», оказать влияние на формирование которых большинство малых стран не имеет возможности. Речь идет о нормах ВТО, неравноценных условиях торговли сырьем и высокотехнологичными товарами, практике МВФ предоставлять кредиты при условии проведения такой макроэкономической политики, которая выгодна ведущим развитым странам.

Подобная зависимость малых стран от внешней среды несет в себе умеренные риски в периоды роста мировой экономики. Многие малые страны эффективно использовали последние тридцать лет сравнительно устойчивого подъема глобальной экономики. Но иллюзия о смягчении циклических колебаний развеялась, а в период глобального кризиса эти риски становятся неприемлемыми. Во время кризиса специализация экономики малой страны превращается в недостаток гибкости системы, что в сочетании с ограниченностью ресурсов может иметь самые негативные последствия.

Кроме того, для малых стран велика цена ошибки, ведь на ее исправление может не хватить ресурсов или стабильности системы. Вернуть единожды утерянные позиции будет тяжело: экономическая история знает немного успешных примеров догоняющего развития. Вот несколько угроз, которые сегодня возникли перед малыми странами.

Колебания мировых цен на товары специализации. Простейший пример – падение мирового спроса и цен на топливо, металлы и иные виды сырья. Но от этого не застрахованы и производители высокотехнологичной продукции. Уже фиксируется падение спроса на мобильные телефоны и услуги связи, причем глубина падения может быть очень большой. Ранее спрос определялся не реальной потребностью (мобильный телефон может служить пять-семь лет), а «престижным потреблением»: человек ежегодно покупает новый телефон с новыми функциями, большинством из которых никогда не воспользуется. Как это отразится на концерне «Nokia», объем

продаж которого превышает 30 млрд. евро, или порядка 15% ВВП Финляндии?

Дания является безусловным лидером в строительстве ветряных турбин (38% мирового производства), большинство из которых идет на экспорт в страны ЕС. При этом себестоимость ветровой электроэнергии очень высока. До сегодняшнего дня рентабельность отрасли обеспечивалась административной, налоговой и прямой финансовой поддержкой Евросоюза и его стран-членов. Но будет ли у стран ЕС достаточно средств и политической воли, чтобы продолжать эту политику в условиях экономического кризиса и низких цен на углеводороды?

Уход ТНК из экономики малых стран, что влечет за собой дополнительное падение производства, рост безработицы, сокращение внутреннего потребления и девальвацию национальной валюты. Большинство ТНК имеют штаб-квартиры в крупных странах и, столкнувшись с необходимостью сокращения персонала, они по политическим соображениям основную тяжесть увольнений переложат на зарубежные филиалы. Уже сейчас эти процессы начинаются даже в странах Центральной Европы и Прибалтики, ведь политическая солидарность стран ЕС имеет свои пределы.

Уход иностранного капитала из финансовых систем малых стран. Поскольку большинство малых стран имеют недостаточно развитые банковские системы и зависимы от внешнего финансирования, этот процесс резко увеличивает вероятность кризиса их экономик. Малые страны не имеют ресурсов для спасения национальных банковских и финансовых систем. Вместо валютных резервов большинство из них имеют значительную государственную и коммерческую задолженность. К примеру, Латвия, столкнувшись с двузначной инфляцией, необходимо было спасти крупнейший в стране «Парекс-банк» и поддерживать национальную валюту, в конце 2008 г. обратилась в МВФ за займом в размере 7,5 млрд. долларов, что составляет 20% ВВП страны.

Неверно выбранная специализация экономики. Исландия построила свое благосостояние на банковской системе. Ее частные банки активно привлекали средства зарубежных, прежде всего британских, вкладчиков и зарабатывали на инвестировании в американский рынок ценных бумаг. В октябре 2008 г. правительство Исландии национализировало находящиеся за гранью банкротства банки, гарантировав лишь те вклады, которые принадлежали исландским гражданам (что неудивительно, ведь общая задолженность банков превышала ВВП страны). В ответ Великобритания заморозила находящиеся на ее территории исландские активы на суму 5 млрд. евро, причем воспользовалась для этого законодательством о противодействии терроризму (!). Кризис был урегулирован путем предоставления займа МВФ. Правда, не ясно, каким образом Исландия будет возвращать долг, ведь в стране нет ничего, кроме гейзеров, рыболовства и алюминиевого завода.

Человеческий капитал, высокие технологии и достижения в сфере НИОКР также не являются гарантией успеха малых стран. Сделав ставку на ту или иную сферу научных исследований, малая страна может столкнуться с ненужностью имеющихся разработок и технологического потенциала в условиях кризиса. Финляндия является лидером по экспорту технологий производства и использования биотоплива, направленных на снижение выбросов углекислого газа (6% экспорта). Будет ли востребован этот потенциал на мировом рынке, или цели Киотского протокола будут принесены в жертву целям повышения конкурентоспособности производства?

Зависимость от прямого внешнего управления. Незначительные валютные резервы, высокая долговая нагрузка и необходимость привлечения новых кредитов для решения текущих проблем уже вынуждают некоторые малые страны, в том числе относительно высокоразвитые, обращаться за новыми кредитами к международным организациям. В России эта ситуация хорошо знакома по событиям

1990-х годов, когда страна жила от одного транша МВФ до другого, а экономическая политика велась под диктовку последнего. В качестве условий выдачи вышеупомянутого кредита для Латвии (и не только для неё) МВФ требует сокращения бюджетных расходов и снижения дефицита бюджета. В то же время крупные развитые страны борются с кризисом противоположными методами: увеличивая госрасходы, «накачивая» экономику ликвидностью и стимулируя внутренний спрос.

Кризис – это «великий упрости́тель». В условиях кризиса самые ценные ресурсы – внутренний спрос и финансовые резервы. У малых стран именно эти ресурсы традиционно в дефиците.

Таким образом, значение малых стран для мировой экономики можно свести к функциям:

- поставщиков специфической продукции, как правило сырья, но нередко высокотехнологичных товаров и специализированных услуг (финансовых, исследовательских);
- экспериментаторов, вынужденных ради экономического успеха идти на риск разработки новых товаров, технологий или способов организации производства;
- рынков сбыта, которые вносят значительный вклад в совокупный объем мирового рынка;
- поставщиков дешевой рабочей силы и «удобной для бизнеса среды» (налоговой, экологической), повышая конкурентоспособность ТНК;
- в периоды глобальных кризисов малые страны являются местом, куда крупные экономики могут «сбросить» часть возникающих проблем (например, «экспорт» безработицы и инфляции), то есть малые страны выполняют функцию своеобразной подушки безопасности.

2

В рамках политического реализма лучшие слова о положении малых стран сказаны 2,5 тысячи лет назад. В Мелосском диалоге Фукидид устами афинян констатирует: «сильный делает то, что может

сделать, а слабый принимает то, с чем вынужден смириться». Это не только судьба малых стран, но и определение того, что такое малая страна: есть мировые (великие) державы, есть региональные державы и есть страны, которые «принимают то, с чем вынуждены смириться».

Исторически статус малой страны характеризовался ограниченными ресурсами и вытекающей из этого невозможностью обеспечить собственную безопасность. В этой ситуации можно выделить несколько поведенческих стратегий, позволяющих малой стране выживать и сохранять большую или меньшую степень независимости: (1) баланс сил между державами (Бельгия до Второй мировой войны); (2) защита, покровительство или протекторат со стороны великой державы (современный Израиль); (3) невыгодность завоевания малой страны, как правило, из-за отсутствия у нее ценных ресурсов либо высоких издержек по завоеванию и поддержанию контроля. Особый случай представляют малые страны, «ценность» которых состоит именно в их независимости (Швейцария в первой половине XX века как «европейский банкир» или полунезависимый статус современного Гонконга как «окна в мир» для Китая).

Несмотря на чрезвычайно ограниченные возможности отдельно взятой малой страны, реализм признает важную роль всей совокупности малых стран для функционирования системы международных отношений (СМО).

Во-первых, малые страны обеспечивают гибкость системы баланса сил. Они также вносят в международные отношения существенный элемент неопределенности и непредсказуемости, что вынуждает державы быть более осторожными как во внешней политике, так и в практике применения военной силы. С этой точки зрения для стабильности СМО предпочтительно наличие многочисленных и относительно влиятельных малых стран.

Кроме того, как ни цинично это звучит, малые страны используются державами как фишки в «большой игре». Поглощение

малых стран или их сателлизация ограничивают пространство для переговоров между державами, уменьшают возможности для мягкой балансировки системы МО и повышают вероятность силового противостояния конкурирующих ключевых участников СМО.

Даже реализм не может игнорировать роль фактора морали в международных отношениях. Равно как власть в государстве не может основываться только на принуждении, но вынуждена искать ту или иную форму легитимности, так и международный порядок не может строиться исключительно на силе. Для длительного и стабильного существования любого международного порядка необходим консенсус о его справедливости/полезности. Малые страны, будучи не в состоянии бросить вызов существующему международному порядку, способны своим «молчанием» обеспечить и поддержку этого порядка, и поддержку действий держав. Последнее обстоятельство дает малым странам пусть косвенный, но важный механизм влияния на политику держав.

Наконец, если бы не было малых стран, то не было бы и держав, ведь сама категория «держава» является относительной и возникает лишь при сопоставлении силы/влияния/власти нескольких игроков.

Во второй половине XX века значение военной силы в системе международных отношений уменьшилось. Сегодня государство-агрессор неизбежно столкнется с резкой негативной реакцией мирового сообщества вплоть до возможности коллективного наказания агрессора (операция «Буря в пустыне»; 1991). Это не исключает возможности проведения агрессивных войн, но теперь агрессию стараются «красиво упаковать», преподнеся её как (превентивную) самооборону, возмездие или миротворчество. В целом военная безопасность малых стран как вида субъектов в рамках существующей СМО надежно обеспечена.

С точки зрения либеральной традиции, преимущество малых стран сегодня в том, что они получили возможность эффективнее использовать невоенные факторы

влияния, трансформируясь в то, что можно назвать «отраслевыми державами». Не будучи полноценными державами по совокупности потенциала, некоторые малые страны – в силу природных, экономических, человеческих или моральных ресурсов – приобрели влияние в отдельных аспектах международных отношений. В качестве примеров «отраслевых держав» можно упомянуть Швейцарию (финансовое регулирование и дипломатия), Кувейт (углеводороды), Нидерланды и Швеция (международное право – Гаагский трибунал и Стокгольмский арбитраж).

Особое значение для малых стран имеет моральное обоснование политики, ибо это один из немногих ресурсов, которым малые страны располагают в изобилии. В 1950 г. Эмиль Дюркгейм заметил, что «общество может черпать гордость не из своего величия или благосостояния, а из своей правоты, лучшей организованности и лучшей моральной конституции»⁴. Многие малые страны успешно выступают в качестве «интерпретаторов норм», оказывают мягкое влияние на политику держав посредством убеждения, формирования политического дискурса и повестки дня, исполняя роль «совести мира»⁵.

Пределы такого влияния ограничены, особенно в вопросах безопасности, но не только. В ЕС десятилетиями идет спор о том, каким развивающимся странам следует выделять помощь в рамках политики содействия развитию. Малые страны, а особенно страны Северной Европы, предлагают помогать самым бедным, а крупные страны ЕС отдают предпочтение своим бывшим колониям. До сих пор подавляющая часть средств Евросоюза выделяется последним.

«Конкурентным преимуществом» многих малых стран в сфере дипломатии является способность формулировать цельный национальный интерес и сконцентрировать активность на одном или нескольких направлениях, а также креативная дипломатия, что неизбежно при ограниченности ресурсов.

Норвегия долгие годы проводит комплексную политику освоения Арктики,

сочетающую разработку технологий, исследование региона и его хозяйственное освоение. Все это дает ей серьезные предпосылки к лидерству в данной сфере. При этом нормативные компоненты политики эффективно используются для продвижения национальных интересов: под лозунгом охраны уязвимой экосистемы о. Шпицберген Норвегия последовательно ограничивает хозяйственную деятельность других стран на острове. В последнее время Норвегия привлекает Россию к различным исследовательским проектам в Баренцевом море. Поскольку инициатива исходит от Норвегии, то реализуемые совместные проекты отвечают прежде всего норвежским приоритетам. По сути, несмотря на водружение флага на Северном полюсе, в вопросах освоения Баренцева моря Россия остается ведомой.

Чем меньшими ресурсами располагает страна, тем большую ценность для нее имеют эти немногие ресурсы. Для малых стран таким ресурсом является дипломатия, и потому они выступают активными сторонниками институционализации норм международного права, упрочения международных режимов, коллективных действий, создания международных организаций и систем коллективной безопасности. Членство в международных организациях расширяет возможности малых стран как за счет формализации правил поведения, так и за счет формирования программы обсуждения и использования коллективных ресурсов для обеспечения собственных интересов.

Не удивительно, что малые страны часто эффективнее используют потенциал международных организаций, чем крупные. Швеция и Финляндия крайне ответственно отнеслись к своему председательству в ЕС (Швеция начала подготовку к нему за три года!). Имея узкий набор национальных приоритетов, эти страны смогли разработать реалистичную программу председательства, сконцентрировав работу ЕС на нескольких ключевых направлениях, и добились впечатляющих результатов. Зато Франция в 1999 году,

имея несопоставимо большие ресурсы, попыталась реализовать множество разнообразных интересов и в итоге даже не смогла скоординировать свои действия на национальном уровне, не говоря уже о гармонизации интересов партнеров по Евросоюзу.

Оказывая значительное влияние на выработку решений международных организаций, малые страны часто полагаются на ресурсы крупных партнеров при их реализации. Это характерно для позиции ЕС в ВТО, которая формируется консенсусом, а отстаивается на переговорных раундах преимущественно крупными странами. Другой пример – тройка ЕС по иранской ядерной проблеме, которая действует от имени всего Евросоюза.

Однако повышение роли малых стран в СМО влечет за собой определенные негативные последствия.

Одно из них коренится в базовом противоречии существующей системы МО – *между формальным равенством суверенных государств и их фактическим неравенством*. Не имея достаточных ресурсов для защиты своих интересов в процессе переговоров, малые страны пользуются правом вето в тех международных организациях, где они им обладают. Тем самым они нередко блокируют деятельность значительных групп стран и реализацию стратегических проектов. Провал последнего раунда ВТО связан не только с противоречиями между США и Евросоюзом, но и с жесткой позицией ряда малых развивающихся стран. Польша (хотя она и не является малой страной, но может считаться таковой в сравнении с ЕС) чуть было не сорвала подписание Конституции ЕС и Лиссабонского договора, шантажируя своих партнеров по Евросоюзу.

Польша из-за противоречий по торговле мясом на полтора года задержала начало переговоров между ЕС и Россией по новому базовому соглашению, разработка которого важна не столько для России, сколько для самого Евросоюза⁶. В таких ситуациях весь потенциал малых стран, в том числе и «моральная сила», начинает

работать против жизненно важных интересов крупных организаций и многочисленных групп стран.

К примеру, забота о экологической ситуации на Балтике заслуживает одобрения. Но почему Финляндия начала выражать обеспокоенность экологическими последствиями строительства газопровода «Северный поток» только после того, как стало ясно, что труба не пройдет по сухопутной территории Финляндии?

В тесно интегрированных международных организациях численное превосходство малых стран даже вызывает опасения в связи с возможностью «диктатуры карликов». Именно стремление не допустить такого развития событий было одной из ключевых причин проведения институциональной реформы ЕС, начатой Ниццким и завершающейся Лиссабонским договорами.

Во-вторых, недостаток ресурсов и ограниченная свобода маневра вынуждают малые страны *обостренно реагировать на реальные и мнимые угрозы безопасности*. Особенно это характерно для стран с многоэтничным населением, долгое время находившихся в зависимости от другого государства и не имеющих традиции государственности. В зависимости от качества политической элиты страны реакция колеблется от непропорциональной до истерической. Во внутренней политике дело может доходить до «зачистки» культурного пространства (языковая политика стран Средней Азии и Прибалтики), во внешней – характерна тенденция к преувеличению интенсивности конфликтов для получения поддержки от крупных стран и организаций (например, попытка некоторых стран Центрально-Восточной Европы распространить предоставляемые НАТО военные гарантии безопасности на энергетическую сферу).

Иногда малые страны пытаются трансформировать во внешнеполитический ресурс имеющийся в отношениях с соседями конфликтный потенциал. Так, ряд политиков Польши и стран Прибалтики, осознавая ограниченность влияния своих

стран в ЕС, нашли легкий способ увеличить свою значимость: представляя отношения между ЕС и Россией как эскалацию противостояния, они претендуют на роль первой «линии обороны» против «зла с Востока». С учетом существующей во многих международных организациях солидарности и невозможности полностью игнорировать даже неоправданные требования своих членов, такая стратегия малых стран способна привести к нарастанию конфликтности в международных отношениях.

В-третьих – *низкое качество политической элиты ряда малых стран*. Тому есть причины как частного, так и общего характера. Мировой порядок формировался крупными державами. Малые страны, получив новые возможности по влиянию на региональные и отраслевые режимы, далеко не всегда располагают необходимыми навыками, стратегическим видением и ответственностью. Провинциализм – это не место жительства, а состояние ума. Согласно одной из версий, причиной военной авантюры Грузии против Южной Осетии стало то, что руководство Грузии неверно истолковало поступающие из Вашингтона сигналы. Негативные последствия такой «ошибки толкования» выходят далеко за пределы Грузии и российско-грузинских отношений.

В-четвертых, очень многим малым странам, и не только развивающимся, свойственны *потребительские настроения*. Риторика ряда беднейших стран Африки (наиболее характерный пример – Сомали) позволяет сделать вывод, что они не столько *просят* экономическую помощь, сколько *требуют* ее, будучи уверенными, что развитые страны должны им за колониальное прошлое.

В определенной степени иждивенчество свойственно и малым развитым странам. Автору неоднократно приходилось обсуждать с политиками новых стран ЕС процесс их подготовки к членству. На вопрос «а какой вклад ваша страна была готова внести в деятельность ЕС?» практически всегда наступала растерянность.

Им даже в голову не приходила такая постановка вопроса.

Наконец, *малые страны уязвимы для внешнего влияния*. Их внутренняя и внешняя политика может определяться «внешним управлением». В крайних случаях речь может идти о прямом подкупе. Чаще имеет место «покупка» позиции малой страны: предоставляя экономические или торговые льготы, крупная страна взамен получает поддержку по более значимым вопросам. Такая поддержка может быть решающей, когда малая страна обладает постами в международной организации, и может привести к негативным последствиям глобального масштаба. Подобная история произошла в середине 1990-х годов в комиссии ООН, определяющей квоту на вылов китов. В результате программы по восстановлению численности некоторых видов китов оказались практически сорваны.

Шире распространяются и открытые формы «внешнего управления», причем легитимные в глазах мирового сообщества, например, деятельность МВФ или политика соседства Евросоюза. «Внешнее управление» может осуществляться и косвенными методами, прежде всего через глобальные СМИ и предоставление образовательных или экспертных услуг. Однако такое управление вполне может привести к неожиданным для управляющей страны результатам: к примеру, пропаганда может быть принята за руководство к действию.

Вклад малых стран в функционирование системы международных отношений заключается в обеспечении гибкости системы, «мягком управлении» действиями держав посредством их легитимизации, содействию оформлению международных режимов, повышению роли международного права, росту значимости международных организаций и иных видов многостороннего сотрудничества. Малые страны по-прежнему остаются «потребителями» безопасности, а вот в вопросах «низкой политики» их влияние в последние десятилетия существенно возросло. Сис-

темная проблема, которую малые страны создают для мирового порядка, связана с разрывом между, с одной стороны, возросшими возможностями малых стран и, с другой стороны, характерным для многих малых стран отсутствием стратегического видения и ответственности, потребительскими настроениями и низким качеством политической элиты.

Малые страны чувствовали бы себя максимально комфортно в утопических условиях вечного мира, усиления взаимозависимости и формирования справедливой политической системы глобального управления. Но...усиливается глобальная нестабильность, растут угрозы безопасности и значение военных факторов. Мир вступает в период затяжного хозяйственного кризиса. Экономисты спорят о том, будет ли он самым глубоким со времен Великой депрессии или просто самым глубоким. Сокращение ресурсов приведет к ужесточению конкуренции.

Стратегически для малых стран возможны две модели поведения. *Изоляция* в долгосрочном плане заведомо неэффективна, однако в такую ситуацию поневоле могут попасть многие малые страны третьего мира, оказавшиеся «ненужными» мировому сообществу. *Интеграция* в региональные экономические и политические структуры – более реалистичная пер-

спектива. В этом случае судьба малых стран будет зависеть от уровня экономического развития и политической культуры крупных стран, составляющих ядро той или иной региональной подсистемы международных отношений.

Примечания

¹ *Winters L.A. and Martins P.* When comparative advantage is not enough: business costs in small remote economies // *World Trade Review*. Vol. 3. Issue 03. November 2004. P. 347–383.

² Цит. по: Small but perfectly formed (<http://faculty.washington.edu/jwh/349art1.htm>).

³ О взаимосвязи размера страны и величины внешнего долга см. например: *Cas S.M. and Otal R.* Big Government, High Debt, and Fiscal Adjustment in Small States. IMF Working Paper. WP/08/39. February 2008.

⁴ *Durkheim E.* Professional Ethics and Civic Morals. London: Routledge, 1992. P. 75.

⁵ См., например: *Ingebritsen C.* Norm Entrepreneurs: Scandinavia's Role in World Politics // *Cooperation and Conflict*, Vol. 37, No 1. 2002. P. 11–23; *Risse-Kappen T.* Cooperation Among Democracies: The European Influence on U.S. Foreign Policy. Princeton: Princeton University Press, 1995.

⁶ Аналогичную стратегию, хотя и не так настойчиво, использовала Литва, требуя возобновления поставок нефти на Мажекяйский НПЗ.